

Роберт
пенноррен

СЪБИ

ЦИРК НА ЧЕРДАКЕ

НОТЪРЪМЪ

Б. С. Р. ПРЕСС

Роберт Пенн Уоррен СВОИ ЛЮДИ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=160448

Аннотация

В книгу включены лучшие из рассказов Уоррена – весьма разнообразные, но всегда окрашенные глубоким психологизмом и тонкой иронией.

Роберт Пен Уоррен

Свои люди

Он бездумно глядел на высокий серый потолок в давних пятнах сырости, до сих пор погруженный в сумрак, хотя яркие солнечные лучи уже всю рвались в комнату сквозь просвет между синими шторами. Маленькие блестящие листья заглядывали в щель, поглаживая оконное стекло.

– Вставай, – без особого дружелюбия произнес рядом голос.

– Голова, – пожаловался он, продолжая глядеть в потолок. Одинокая вялая муха уселась на серую штукатурку прямо над ним, на неё он и смотрел.

– Вчера вечером ты утверждал, что это лучшая кукурузная водка, какую нам довелось пить.

– Неужели? – Он откинул одеяло и спустил ноги на пол, но сам остался лежать, глядя в потолок. – Значит, я ошибся. И сегодня воскресенье.

– Раз я теперь готовлю сама, – сказал голос, – придется тебе помогать.

– Помогу, – сказал он и встал. Постоял в центре большой комнаты, беспомощно оглядел спальню и, не найдя того, что искал, стянул пижаму. Он был невысокий, но плотный. Красноватый шрам пересекал по диагонали мягкий живот со следом резинки от пижамных штанов и терялся в черных кур-

чавых волосах. Он задумчиво провел указательным пальцем по шраму.

– Шов вроде стал получше. По крайней мере, уже не так похож на след дешевой синей копирки.

– Шов-то, может, получше, – на кровати завозились, – а вот брюшко намечается. Смотри, обзаведешься пузом – можешь собирать вещи. Никаких животов в моем доме.

– Это потому что мышцы ещё не завязались, – сказал он, дотрагиваясь до шрама. – Никакой в тебе жалости. – Он подошел к гардеробу и осмотрел себя в зеркале. – Я запросто от него избавлюсь, – сказал он, хлопая по животу.

– Самое простое средство от живота – это докопать в саду то, что начал.

– Сегодня мне не до того. Мне платят в «Адвокате» за то, чтобы я перемывал косточки политикам и выбалтывал сплетни, а не за то, чтобы я махал лопатой. Копать для меня непозволительная роскошь.

– Часок мог бы и покопать, – сказала она.

– Ты только посмотри на мои глаза. – Он наклонился к зеркалу. – Сразу видно, что у меня болит голова.

– Покопаешь – и голова пройдет.

Он нашел в углу большого орехового гардероба пару вельветовых штанов и фуфайку, оделся. С минуту разглядывал ворох постельного белья, из которого выпростались на подушку пряди светлых волос.

– А ты вставать не собираешься? – спросил он. – Я бы не

прочь позавтракать.

– Разожги плиту.

Он неторопливо огляделся, стоя посреди комнаты, потом опустился на колени и заглянул под кровать. Случайно дотронулся до голубого платья, которое валялось у кровати, и поднял его. Под ним оказались домашние тапочки.

– Ты мои тапочки накрыла, – сказал он, протягивая ей большой волосатой рукой небесно-голубое платье. – Вечно пилишь меня, когда я вещи не вешаю, а сама на пол бросаешь. На мои тапочки.

– Хм, – сказал голос, – а кто виноват, что я его вчера ночью сбросила?

– Хм, – сказал он, сунул ноги в тапочки и вышел из комнаты.

Когда он вернулся из сада с пучком свежих, влажных листьев салата, она стояла у плиты и бросала на сковороду ломтики ветчины. На ней было зеленое хлопчатобумажное платье. Нечесанные волосы, желтые в свете солнечных лучей, врывающихся в окна кухни, беспорядочно рассыпались по жесткой после крахмала зеленой ткани. На босых ногах – грязные полуботинки из оленьей кожи, за которыми волочились развязанные шнурки. Он нагнулся над раковиной, перемыл один за другим листья и разложил на полотенце сохнуть. Она немного постояла рядом, наблюдая, – худая, даже тощая, ростом почти с него; потом обернулась к плите, держа в руке миску с яйцами.

Когда все было готово, они разложили еду на блюда и отнесли в столовую; из открытых окон лилось яркое солнце, освещаая полнейший разгром. Стулья разбросались по всей комнате, один валялся на боку. На тарелках сохли остатки сэндвичей с анчоусами, над ними без особого интереса жужжала муха. Стаканы всех форм и размеров загромождали буфет, каминную полку и шероховатую каменную плиту перед погасшим камином.

– О боже! – выдохнула она, держа в руке блюдо с ветчиной. – Господи, и зачем только люди устраивают вечеринки?

Нервными, угловатыми движениями она опустила блюдо, отодвинула с одного края стола грязную посуду и поставила две тарелки.

Она ела с жадностью, он – медленно, с вялой неохотой. Во время еды она то и дело окидывала комнату обиженным, возмущенным взглядом.

– Больше никаких вечеринок, – наконец произнесла она.

– Я только за, – сказал он.

– Такой бардак наутро.

Он посмотрел вокруг с некоторым удивлением.

– Можно каких-нибудь новых друзей завести. Каких-нибудь благородных леди и джентльменов, которые, хоть и пьют, не станут устраивать бардак. Я мог бы дать объявление в «Адвокат».

– Друг, который мне сегодня нужен, – сказала она, свирепо взглянув на вчерашний сэндвич с анчоусами, – это Вио-

ла. Боже, ну почему ей приспичило срываться и бросать нас именно сейчас?

– Если у негра портится характер, то это безнадежно. Я тебя предупреждал.

– Наверное, ты прав. Мне осточертели наши с ней любовные размолвки.

– Через неделю она захочет вернуться, – сказал он. Потом, критически оглядывая комнату, добавил: – И ты примешь её с распростертыми объятиями.

– Я ей сказала: если она уйдет, это будет последний раз.

– Не надо было тащить её сюда из Алабамы, – угрюмо сказал он. – Я ведь и тогда тебе говорил.

Он встал из-за стола и подошел к камину. Среди стаканов на каминной полке отыскал трубку и поджег наполовину сгоревший остаток табака. Дым, выпущенный из короткого, мясистого носа, пошел кружить в луче солнца.

Она мрачно взглянула на него.

– Я не встречала негритянки чистоплотней, – сказала она с упреком. – Еще в детстве она отказывалась сидеть на земле, как остальные негритянские дети, и садилась на тарелку.

– В Алабаме она была на своем месте, но в Теннесси она гроша ломаного не стоит. Пусть возвращается в Алабаму и сидит на тарелке.

– Она и собирается домой. Она не может остаться, эта наглая жена Джейка драла с неё по девять долларов в неделю за стол и постель, пока нас не было, а больше ей жить негде.

Девять долларов, когда мы платим ей шесть! Господи, я просто в ярость пришла. Так и сказала мальчишке-молочнику, что я в ярости, чтобы он передал это жене Джейка.

– На мне-то зачем зло срывать, – сказал он, глядя, как нервно забегали её пальцы и разгорелись щеки. – Можно подумать, ты на меня злишься.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.